

Одним из достижений «победившего социализма» считалось успешное решение в советском обществе «женского вопроса». В парадных выступлениях представительницы Комитета советских женщин не уставали прославлять равное избирательное право, равную оплату за равный труд, деятельность женсоветов на местах и т. п.

На деле многие разрекламированные «достижения» оборачиваются фикцией, а эмансипация — закабалением женщины. Против этого выступают и борются все новые и новые женские объединения, возникающие в нашей стране независимо от официального «движения советских женщин».

Некоторых проблем женской эмансипации в СССР касаются в своих статьях Светлана АЙВАЗОВА — кандидат исторических наук старший научный сотрудник Института социальных и политических движений АН СССР (занимается сравнительным анализом западного и русского феминизма), а также Елена ГОЩИЛО — профессор Питтсбургского университета (США), литературовед, специалист по советской литературе, один из лидеров феминистского движения в своей стране.

Светлана АЙВАЗОВА

Идейные истоки женского движения в России

Миф об эмансипации советской женщины, о ее подлинном равноправии с мужчиной принадлежит к числу самых устойчивых и расхожих в общей советской мифологии. Можно даже сказать, что он представляет собой один из главных сюжетов этой мифологии. Почему же он так важен для официальной идеологии? И что означает само понятие "эмансипация", как соотносится с ним женское движение, чем оно отличается от иностранного феминизма? Сегодня эти вопросы задают себе многие участницы возникающих на наших глазах женских клубов, групп, объединений, ищущих свое место в общем потоке демократического движения. Чтобы как-то разобраться в этих понятиях, отделить миф от реальности, самое время обратиться к истории, к идейным истокам женского движения в России.

Женщина выходит на арену истории

Представление о том, что необходима эмансипация общества, возникает в русле освободительных идей эпохи Просвещения. Оно по-своему свидетельствует о высокой степени индивидуализации массового сознания,

когда отдельная личность все сильнее ощущает непереносимую тяжесть прежних патриархальных установок на господство / угнетение, начинает воспринимать себя центром истории, ее субъектом и ценностью. Не случайно, все великие буржуазные революции объявляют о суверенности каждого гражданина, о равенстве всех перед законом. И хотя в категорию полноправных граждан женщины в то время не попали, они впервые в истории заявили о себе как о гражданах, оформили в политическую программу лозунги с требованиями равноправия. В справедливости традиционного патриархального разделения ролей на «мужские» и «женские», при котором мужчина считался полноценным представителем человеческого рода, творцом истории, а женщина — приложением к нему, его женой, объектом его власти, усомнились не только женщины, но и некоторые мужчины — наиболее последовательные приверженцы демократии. Выступая во французском Конвенте, один из них заявлял: «Выбирайте сами: либо следует признать, что нация состоит из равноправных мужчин и женщин, либо различие по признаку пола оказывается более веским основанием для рабства, чем различие по цвету кожи».

В целом ряде документов революционной поры подчеркивалось, что женщина — такой же человек, как и мужчина, и потому она имеет все основания обладать той же полнотой гражданских прав и свобод, что предоставлены ему. Ни пламенные речи, ни развернутые программы поборников женского равноправия не смогли тогда пробить глухой круговой обороны держателей власти — мужчин.

Женщинам было отказано в гражданском равноправии вплоть до начала XX века. Но движение за женскую свободу и независимость сложилось. Это движение, его лозунги и идеи стали называть феминизмом (франц. *femme* — женщина). А его сторонников — феминистами. Феминизм предстает, таким образом, как одна из форм общественной эмансипации, одна из вех на пути к полноценному индивиду, будь то мужчина или женщина. Поэтому в исторической ретроспективе феминизм и женское движение — это фактически синонимы.

Однако за два века истории содержание понятий претерпело изменения, феминизм все чаще стали нагружать негативным смыслом, определяя именно этим понятием его наиболее крайние, радикально заостренные лозунги и концепции. Тем не менее, центральной идеей феминизма, женского движения всех оттенков была и остается идея свободной, полноправной женской личности и ее самореализации. Она проникла в плоть и кровь демократического сознания, стала частью общей задачи по демократическому переустройству общества. В таком виде эту задачу впервые сформулировал чудаковатый мечтатель, Шарль Фурье, поведавший миру исходя из своих впечатлений от Великой французской революции, что «расширение прав женщины есть общий принцип всякого социального прогресса».

Пушкин и феминизм

Именно так, в этой полной форме идея эмансипации стала развиваться и в России, несмотря на то что российская абсолютная монархия жила по другому историческому календарю, отставая от буржуазной Европы на целый исторический период. Но передовое русское общество, интеллигенция, сначала дворянская, потом разночинная, пристально следили за европейскими событиями, можно даже сказать, жили ими, самоопределяясь по отношению к ним, сверяя российское время с западноевропейским.

Возникновение нового отношения к женщине в обществе, зарождение нового женского самосознания, появление женщин нового типа — все эти знаки общественной эмансипации не остались незамеченными в Рос-

сии. Прежде всего потому что и в России исподволь начинался тот же процесс — в передовое русское общество в первое десятилетие XIX в. уже включали и женщин. За примерами далеко ходить не нужно. Об этом, в частности, говорит такой безупречный знаток своего времени, как А. Пушкин, отмечавший в заметках «Table talk»: «Не смешно ли почитать женщин, которые поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые Бог ведает почему»¹.

За «европейским ходом вещей» и в творчестве, и в жизни следовал и сам Пушкин. Достаточно вспомнить, к примеру, его знаменитую поэму «Цыгане». Пушкинисты давно и верно отмечали, что в тексте поэмы очевидна прямая переключка авторских идей с идеями французского просветителя Ж.-Ж. Руссо — родоначальника теории «естественного» права. Они не заметили лишь одного. Руссо наделял всей полнотой прав и свобод исключительно представителей сильного пола. Он не преодолел в себе недоверия ни к гражданским, ни вообще к человеческим способностям прекрасной части общества. Алеко — герой Пушкина выписан по стандарту «естественного» человека Руссо. Он ищет воли, свободной любви, но признает право на них только за собой. Он убивает женщину, дерзнувшую жить и чувствовать на его манер. Ей это не дозволено, по Руссо. Старый же цыган заявляет Алеко, что Земфира былавольна распоряжаться собой и своей любовью, как все свободные люди. По Пушкину, одно из двух — либо естественное право для всех, значит, и для женщин, либо всеобщее подчинение авторитету власти. С этой точки зрения пушкинская поэма — документ эпохи, прямое свидетельство начавшегося в русском обществе — пусть пока в самом просвещенном его слое — процесса эмансипации.

Пушкин не только сам вступает в спор со своим веком о праве женщины на свободу, но еще и описывает сдвиги в ее самосознании, в ее вкусах и предпочтениях. Маленькая повесть «Рославлев» рассказывает о том, как московское высшее общество с восторгом встречало в канун нашествия Наполеона одну из знаменитостей века — французскую писательницу и мыслителя Жермену де Сталь.

Откуда восторг? Эта женщина рискнула бросить вызов грозному покорителю Европы, и Бонапарт признал в ней настоящего врага. Под ее ногами горела земля, ей не было места там, куда входил он со своими войсками. Он гнал ее по Европе и загнал в Москву. А Москва рукоплескала ей. Сам Пушкин был ее горячим поклонником и во многом разделял взгляды этой убежденной сторонницы английской конституционной монархии, пытавшейся в годы французской революции 1789 г. повернуть в то же русло и историю своей страны. И героиня Пушкина, молоденькая русская аристократка, тоже «была без памяти от славной женщины, столь же добродушной, сколь и гениальной». Русскую девушку-дворянку пленяют в мадам де Сталь вовсе не традиционные женские добродетели, она покорена ее удивительной способностью «иметь влияние на общественное мнение», «смелостью ума и души», «патриотизмом» в высшем его смысле. Это ли не признаки нового женского самосознания?

Спустя десятилетие русские женщины своим поведением подтвердили догадку Пушкина о рождении новой женской личности в России. Наступил роковой для страны 1825 год. Нет, женщины, конечно, не вышли на Сенатскую площадь вслед за мужьями и братьями. Но они сумели понять их и поддержать в трудные дни расправы. Самые верные отправились к ним в страшную сибирскую каторгу. А оставшиеся сохраняли память о них.

¹ Пушкин А. С. Соч., т. 7. М., 1962, с. 215.

На это требовалось новое, уже гражданское сознание и гражданское мужество.

А. Герцен в «Былом и думах» вспоминал о высокой нравственности, даже героизме, проявленном женщинами в ту пору, и далее размышлял: «Вообще женское развитие — тайна: все ничего, наряды да танцы, шаловливое злословие и чтение романов, глазки и слезы — и вдруг является гигантская воля, зрелая мысль, колоссальный ум. Девочка, увлеченная страстями, исчезла и перед вами Теруань де Мерикур, красавица-трибун, потрясающая народные массы»². Тут же, в «Былом и думах», Герцен описывает свою встречу с одной из представительниц новых русских женщин, которую за ее воинственный пыл и истовую веру в свое предназначение влиять на судьбу отечества называет «мирной Шарлоттой Корде» или «Шарлоттой Корде из Орла»³.

Судя по мемуарам Герцена, в сознании передового русского человека его времени представления о мятежных участниках западноевропейских революций, особенно французской 1789 г., уже сложились в систему символических образов, каждый из которых обозначал определенный тип политического поведения, ту или иную общественно-политическую позицию. С помощью этой системы шло воспитание его поколения — поколения революционных демократов 60-х годов. По словам друга и соратника Герцена Н. Огарева, «молодое поколение наследует разом чувство политической свободы, с определенным европейским содержанием и предчувствием какого-то собственного народного вопроса»⁴. Унаследованное чувство политической свободы предполагало как нечто само собой разумеющееся освобождение русского общества от феодально-абсолютистского гнета, которое немислимо без его эмансипации. Эмансипация же рассматривалась как залог подлинного общественного равноправия и свободы.

Тема эмансипации у Чернышевского

Полнее других эти настроения выразил в своем романе «Что делать?» властитель дум передовой молодежи 60-х годов Н. Чернышевский. При описании новых отношений между мужчиной и женщиной, между «новыми» людьми Чернышевский в аллегорической форме отсылает к опыту французской революции и ее идеям. В знаменитом «четвертом сне» героини романа Веры Павловны появляется таинственная «светлая красавица». Прежде чем научить героиню новым принципам жизни, она раскрывает загадку своего происхождения: «Мужчина становился разумнее, женщина тверже и тверже осознавала себя равным ему человеком,— и пришло время, родилась я. Это было недавно»⁵.

Человеку того времени было ясно, что «светлая красавица» — символ свободы и равенства, возведенных недавней французской революцией, и еще — символ новой женщины, ее обобщенный образ. У недоверчивого читателя пропадали последние сомнения на этот счет, когда на следующих страницах романа он вчитывался в суждения «светлой красавицы» о грядущем царстве свободы и справедливости, которые она призвана утвердить: «Новое во мне,— заявляла «светлая красавица»,— равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми... Когда мужчина признает равноправность женщины с собой, он отказывается от взгляда на нее, как на свою принадлежность... Из него, из равенства, и свобода во мне, без которой нет меня»⁶. Так могла говорить провозвестница женской

²Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969, Ч. I, с. 347

³Герцен А. И. Былое и думы. Ч. II, с. 252.

⁴О г а р е в Н. П. Избранное. М., 1983, с. 354.

⁵Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1957, с. 276

⁶Там же, с. 278—279.

эмансипации француженка Олимпия де Гуж, или ее соотечественница, красавица-трибун Теруань де Мерикур, или предводительница парижской бедноты 1789 г. Клер Лакомб. Романтическая аллегория Чернышевского напоминала о каждой и обо всех них вместе взятых. И если лозунги этих первых поборниц женской эмансипации натолкнулись на решительное сопротивление со стороны мужской части западноевропейского демократического движения, то в России середины прошлого века они встретили практически полную поддержку демократов.

Судя по роману Чернышевского, русские революционные демократы видели смысл борьбы за эмансипацию в создании наиболее благоприятных социальных условий для полного и разностороннего развития женской личности, для выявления всех ее способностей; поэтому одним из главных аспектов этой борьбы они считали гуманизацию отношений между мужчиной и женщиной, а другим — радикальные перемены социальных отношений.

«Новый человек — андрогинический образ и подобие Божие»

Роман Чернышевского при всей его художественной беспомощности стал событием в русской идейно-политической жизни. Он ввел тему эмансипации в круг наиболее значимых общественных проблем. И на нее так или иначе откликнулись практически все крупные русские мыслители: Ф. Достоевский и Л. Толстой, Вл. Соловьев и Н. Бердяев, Н. Федоров и В. Розанов. Кто-то из них склонялся к защите патриархальных устоев, кто-то заговорил о вечной женственности и мировой душе, о равнозначности Софии и Логоса. Представители Серебряного века русской философии развернули тему и повели спор о тайне пола, тайне жизни, смерти, любви, о преходящем значении патриархального деления общественных ролей на «мужские» и «женские», о конечной андрогинности совершенного индивида: «Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи,— писал Н. Бердяев.— Новый человек есть прежде всего человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божие, искаженное распадом на мужское и женское в человеческом роде. Тайна о человеке связана с тайной об андрогине»⁷.

Здесь важно отметить, что в этом споре речь шла о процессе эмансипации как об освобождении каждого человека «от рабства принуждающей объективности», от «власти общего, родового», оформленного в нормы патриархата. Тот же Бердяев подчеркивал, что патриархальная семья представляет собой еще более страшную тиранию, чем тирания государства: «Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность. И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи, имеет глубокий персоналистический смысл, есть борьба за достоинство человеческой личности»⁸.

Показательно еще и то, что эти философы-небожители, поднявшие тему эмансипации на самый высокий уровень анализа, видели в Чернышевском своего предшественника. Бердяев прямо говорил об этом: «Что делать?» Чернышевского художественно бездарное произведение... Но социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским и очень почитаю его. Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств... В его книге, столь оклеветанной правыми кругами, есть сильный аскетический элемент и большая чистота... У этого нигилиста и утилитариста был настоящий культ вечной женственности...»⁹.

⁷ Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989, с. 418.

⁸ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Философия любви. Т. 2. М., 1990, с. 407.

⁹ Там же, с. 416.

Культура или экономика

К традиции Чернышевского отсылал и другой спор об эмансипации, который на более конкретном уровне вели между собой ученые-историки и политики, напрямую откликнувшиеся на идейно-политические баталии, расколовшие к тому времени Россию. В центре этого спора — тот же разговор об эмансипации и женском движении как признаках эры нового человека, новой личности. Но вот что это за личность и какими последствиями для мира обернется ее появление — об этом судили по-разному. Либералы-индивидуалисты и марксисты-коллективисты выражали две крайние точки зрения. Первые видели в эмансипации явление социокультурного порядка, вторые настаивали на социально-экономической закономерности ее возникновения. Первые говорили об эмансипации как об особом процессе становления личности и ее самореализации, вторые сводили эмансипацию к сугубо «женскому» вопросу и ставили его «решение» в зависимость от радикальных общественных перемен, в конечном счете — от победы пролетариата.

Социокультурный подход обосновывали в своих работах профессор Московского университета историк В. Хвостов, исследовательница культуры А. Сологуб-Чеботаревская, историк женского движения и одна из активисток его либерального крыла Е. Щепкина.

В. Хвостов рассматривал идею эмансипации в общем контексте развития цивилизации и был убежден в том, что возникновение женского движения обозначило поворотный момент в истории человечества: завершалась «эпоха преобладания физической силы», в «культурном развитии постепенно первенствующее место заняло альтруистическое чувство и сила духовная стала выше физического насилия»¹⁰. Носительница духовного, альтруистического начала — женщина — вышла на авансцену истории. Требования женского равноправия Хвостов включал в общий разряд требований, отстаивающих «права человека» и достоинство личности. По его убеждению, эти требования намечают переход к истинной демократии, немыслимой без самого широкого участия женщин в жизни общества. Хвостов считал, что главной причиной распространения идей женского равноправия в XVIII в. было влияние философов-просветителей, а институтом пропаганды их идей, как это ни парадоксально, являлись великосветские салоны, где царила женщина: «В этих салонах дамы весьма успешно занимаются политикой и пытаются оказать влияние на ход общественных дел. Под влиянием таких салонов политикой занялись такие деятельницы того времени, как госпожа Неккер, госпожа Ролан и госпожа Сталь. Женщины увлекались модной философией энциклопедистов и немало способствовали распространению новых идей, хотя сами их авторы далеко не сочувственно относились к этим занятиям женщин»¹¹.

А. Сологуб-Чеботаревская, бесконечно влюбленная в XVIII век, в его культуру и идеи, называла этот век «эпохой наибольшего развития личности», когда тлетворная зараза теорий вольнодумцев-мечтателей проникает повсюду, когда ценится, уважается человеческая личность, ее права. Именно этот век, выше всего ставивший права человека, выдвинул на историческую сцену женщину¹². Первыми женщинами нового типа, в круг интересов которых входит общественно-политическая деятельность, Сологуб-Чеботаревская тоже считала хозяйек парижских салонов, высокообразованных светских дам, стремившихся превратить свою гости-

¹⁰ Хвостов В. Женщина в обновленной культуре. М., 1917, с. 8.

¹¹ Хвостов В. Участие женщины в умственной культуре человечества. М., 1914, с. 15.

¹² Сологуб-Чеботаревская А. Жесина накануне революции 1789 г. Пг., 1922, с. 26, 34, 56, 73.

ную в «лабораторию общественных оценок в области политики, литературы, искусства», где «по-своему готовили революцию»¹³.

Е. Щепкина также писала, что «вспышка освободительных устремлений» женщин была подготовлена идеями Просвещения, постепенно раскрепощавшими общество. Первой из историков она познакомила русского читателя с биографиями знаменитых поборниц равноправия Олимпии де Гуж, Теруань де Мерикур, Клер Лакомб и кругом их воззрений. Олимпии де Гуж принадлежит честь быть родоначальницей феминизма: это из-под ее пера вышла «Декларация прав женщины и гражданки» с требованием гражданского признания женщины. Теруань де Мерикур — пример женщины — политического лидера, которая участвовала в революционном движении как «товарищ мужчины», как равная среди равных, представляя в нем «партию женщины»¹⁴. Героини Щепкиной преданы революции, их отличает «уважение к естественным правам личности и гуманизм». Они отстаивают дело революции, видя в ней прежде всего процесс «нравственного перевоспитания нации», конкретного воплощения в жизнь принципов «Декларации прав человека и гражданина».

«Безымянные женские массы» — героини нового времени

И эти выводы, и социокультурный подход к эмансипации и женскому движению подверглись резкой, ожесточенной критике марксистов, утверждавших в революционном движении начала XX в. в качестве единственных восприимчивых революционных демократов-шестидесятников и потому обращавших особое внимание на все, связанное с их наследием, а значит, на проблему эмансипации. Рупором их идей стала не менее знаменитая, чем героини Щепкиной, деятельница партии большевиков А. Коллонтай. Она прославилась как пламенный оратор и теоретик, способный в популярной форме изложить и развить тезисы марксистской классической литературы об эмансипации, где эта тема была обозначена как «женский» вопрос. Вслед за классиками Коллонтай убежденно доказывала, что женский вопрос порожден только одним обстоятельством — социально-экономическим развитием, а точнее, развитием капиталистического хозяйства, втянувшего в производственный процесс и женщину.

Приход женщины на производство — явление прогрессивное, так как он позволяет женщине избавиться от экономической зависимости от мужа, выйти за стены дома с его мелочным укладом и приобщиться к жизни всего общества. Но на первых порах, при капиталистических отношениях, женщина подвергается эксплуатации в качестве наемной труженицы, поэтому ее освобождение неразрывно связано с освобождением пролетариата, и женский вопрос представляет собой лишь одну из форм классовой борьбы пролетариата.

Разговор о просветителях и их влиянии, о нравственном перевоспитании всего общества, в том числе и женщины, об усвоении и применении в общественной жизни принципов «Декларации прав человека и гражданина» представлялся Коллонтай проявлением «буржуазного феминизма». Она убеждала, что сторонники социокультурного подхода к эмансипации и женскому движению искажают историю женского вопроса. Они забывают об анализе «экономических причин, уравнивающих женщину перед лицом народного хозяйства как трудовую силу с трудовой силой мужчины» и руководствуются только «заклочениями ума, исходящего из провозглашенного положения о правах человека»¹⁵.

¹³ Там же, с. 86, 89.

¹⁴ Щепкина Е. Женское движение в годы французской революции. Пб., 1921, с. 28, 36.

¹⁵ Там же, с. 3.

Но Коллонтай мешали не только либеральные толкователи эмансипации, в определенном смысле ей мешала сама история. И она подправила историю, объявив, что выступление феминисток в годы буржуазных революций было преждевременным, что экономические отношения еще не созрели для признания женского равноправия, и «широкие массы женщин еще не были втянуты в кругозор капиталистического производства». Или, в несколько иной формулировке: «в эпоху борьбы буржуазного класса за признание своего господства вопрос о равноправии женщин... не вытекал из сущности тех отношений, которые устанавливались на деле по мере утверждения господства буржуазного класса».

Вообще, по убеждению Коллонтай, подлинными героинями нового времени следует считать не первых феминисток, как это делает, скажем, Щепкина, а «безымянные женские массы», которые самоотверженно боролись за права всего «обездоленного, голодного, оборванного трудового народа» и тем самым «больше сделали для признания принципа равноправия женщины, чем самые яркие выступления отдельных, но одиноких поборниц буржуазного феминизма». А уже после революции 1917 г. Коллонтай подчеркивала, что только «пролетарская революция в России, сосредоточивая все свои силы на создании нового хозяйственного порядка, попутно решает... великие и неразрешимые проблемы французской революции: о равенстве, братстве и равноправии полов»¹⁶.

«Армия работниц и крестьянок»

Замена понятий «эмансипация» на «женский» вопрос, «женская личность» на «женские массы» — принципиальна для сторонников социально-экономического решения женского вопроса. Эта замена объясняет всю последующую историю эмансипации и женского движения в нашей стране. В самый разгар спора между либералами и марксистами, в первое десятилетие XX в., женское движение в России стремительно набирало силу. Большими тиражами выходили женские газеты и журналы, в их числе такие популярные, как «Женский вестник», «Женское дело». Активно заявляли о себе «Русское женское взаимно-благотворительное общество», «Союз равноправных женщин», «Женская прогрессивная партия». Большевики боролись с этими организациями за влияние на женские массы. И победили.

Придя к власти, первыми же декретами они предоставили женщине новой страны Советов всю полноту формально-юридических прав и свобод. Но при этом запретили деятельность всех независимых женских организаций, надолго покончив с независимым женским движением. Ответственность за приобщение женщин к новой жизни, за их обучение новым правам и обязанностям новая власть полностью брала на себя и привлекала к этому свои лучшие кадры. В борьбе за эмансипацию общества А. Коллонтай, И. Арманд, Н. Крупская намечали совершить еще одну революцию — революцию быта. По их проекту, государство за счет создания широкой сети столовых, прачечных, детских садов и других составных частей развитой социальной инфраструктуры должно было снять заботу о быте советской женщины, освободить ее от груза домашнего труда. А освобожденная женщина была обязана в свою очередь заняться трудом общественно-полезным. Коллонтай открыто провозглашала, что новому обществу предстоит «выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок». Эту ее установку вместе с установкой на революцию быта сменил гораздо более лаконичный сталинский лозунг «Мы освободим крестьянку трудоднями».

¹⁶ Там же.

Женские трудовые бригады, стахановское движение, первые трактористки, героини-ткачихи, строительницы Комсомольска-на-Амуре. И все, по разнарядке, в президиумах собраний и съездов. Это — атрибуты широковещательной кампании по решению женского вопроса, вопроса «труда и быта» советской женщины. Наконец, в 1936 г. сталинская Конституция СССР торжественно провозгласила, что этот вопрос решен — выполнена задача огромной исторической важности и на деле обеспечено подлинное равноправие женщины. С тех пор это утверждение прочно вошло во все постановления, официальные речи, научные труды и школьные учебники. Правда, «эмансипированная» таким нехитрым путем женщина не знала, куда ей деться от двойной нагрузки — на работе и дома, от забот о хлебе насущном, от страха за брошенных дома детей. Но это были уже мелкие детали ее частной жизни. Не потому ли сегодня наши женщины испытывают настоящее отвращение к словам «эмансипация», «феминизм», «женское движение». И потом зачем нашей женщине какое-то освобождение из-под власти мужчины, если нет не только этой власти, но и самого мужчины. *Таинственное исчезновение личности, исчезновение человека — мужчины и женщины — главный итог решения великой исторической задачи по обеспечению женского равноправия в нашем обществе. Это и итог разговора об эмансипации и женском движении, который шел в русском обществе на протяжении XIX — начала XX века.*

Странный итог. Может быть, не окончательный?

Похоже, что не окончательный. Ведь демократические перемены в нашем обществе — пусть пока еще медленные и подспудные — вновь, уже на новом витке истории, ставят вопрос о свободе и равноправии, об эмансипации и освобождении каждого человека «от рабства принуждающей объективности», отягощенной сегодня грузом не только патриархальных, но еще и вульгарно-материалистических норм и представлений. С этой точки зрения А. Пушкин, Н. Чернышевский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов при всей их несхожести, или благодаря этой несхожести, интереснее и современнее иных наших современников. Они говорят о самом важном и насущном на сегодняшний день: о необходимости возрождения человеческой личности и ее достоинства. В этом — смысл иностранных понятий «эмансипация», «феминизм», пока не осознанный новым, очень разнородным женским движением, которое возрождается на наших глазах. Его анализ составляет особый сюжет. К этому сюжету нам еще предстоит вернуться.